

УДК 94(57)

DOI: 10.18324/2224-1833-2023-1-136-142

Общественная и бытовая сферы Среднего Приангарья через призму восприятия жителей (1950-60-е годы)

В.Н. Максимова

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия
maksimova_v_n@mail.ru

Статья поступила 27.02.2023, принята 17.03.2023

В статье рассматриваются проблемы соотношения общественной и бытовой сфер в восприятии старожилов сел Среднего Приангарья и горожан в контексте государственной политики в отношении деревни и молодых индустриальных городов в 1950–60-е гг. Существенным фактором при этом выступают процессы, связанные с подготовкой ложа водохранилища, строительством Братской ГЭС и градообразующих производств.

Ключевые слова: колхоз; трудодень; совхоз; личное приусадебное хозяйство; быт; домашний труд; жизненный уклад; коллективизм; промышленный гигант; городское пространство.

Public and household spheres of the Middle Angara region through the perception of residents (1950s-1960s)

V.N. Maksimova

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia
maksimova_v_n@mail.ru

Received 27.02.2023, accepted 17.03.2023

The article deals with the problems of the correlation of social and household spheres in the perception of old-timers of villages of the Middle Angara region and citizens in the 1950s and 1960s in the context of state policy towards the village and young industrial cities. A significant factor in this case are the processes associated with the preparation of the reservoir bed, the construction of the Bratsk hydroelectric power station and city-forming industries.

Keywords: collective farm; workday; state farm; personal household; everyday life; domestic work; lifestyle; collectivism; industrial giant; urban space.

Сельский образ жизни имеет особенности, тесно связанные со спецификой труда и быта жителей. Прежде всего это подчиненность труда циклам года, тесная взаимосвязь трудовой и бытовой сфер, ограниченные возможности трудовой мобильности, более суровые, чем в городе, условия жизнедеятельности, трудоемкость труда в общественном и приусадебном хозяйствах.

В основе жизненного уклада села находятся более стабильный нежели в городе, состав жителей, их незначительная дифференциация по социально-профессиональному и культурному уровню, тесные родственные и соседские связи [1, с. 411].

Наиболее широкая трактовка понятия быта звучит как уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ, культуру,

общение, отдых, развлечения. Складывается и изменяется под влиянием материального производства, общественных отношений, уровня культуры, а также географических условий, и оказывает огромное влияние на другие стороны жизни людей, на формирование личности [2, с. 87].

Схожая трактовка предлагается Б.В. Дубиным [3].

Жизненный уклад сельских жителей Среднего Приангарья в рассматриваемый период затрагивают общие процессы модернизации, характерные для советского общества в целом и Сибири в частности. Спецификой времени выступает вынужденное переселение значительного количества сельского населения с территории будущего ложа водохранилища Братской ГЭС в новые места, а также начало строительства грандиозного по тем временам промышленного объекта и связанные с этим фактом процессы: миграция населения, формирование городской

среды, значительно большая, нежели прежде, востребованность в сельскохозяйственной продукции.

В «Отчете отдела о проведенной работе по подготовке водохранилища Братской ГЭС за период с октября 1956 по 1 января 1964 г.» указывается, что воздействию Братского водохранилища подвергалось 119 поселений, в которых проживало 74 634 чел. (18 657 семей). К началу 1964 г. 65 678 чел. были расселены в пределах Братского района [4, л. 3].

Требовалась ускоренная адаптация сельских жителей к быстро меняющейся социально-экономической среде. И в сфере общественной активности, и в приусадебном хозяйстве, и в домашнем труде произошли изменения. В рассматриваемом контексте понятия домашнее хозяйство и личное приусадебное хозяйство фактически совпадали. Личное приусадебное хозяйство (ЛПХ) представляло собой двор, находившийся при доме, огород, скот, различные мелкие постройки, инвентарь. Домашний труд включал в себя работу в личном приусадебном хозяйстве, а также приготовление пищи, уборку жилого помещения, уход за членами семьи.

Переселение сельских жителей совпало с политикой укрупнения колхозов, с ликвидацией неперспективных сел и деревень и объединением колхозов в более крупные производственные объединения, совхозы. В начале 1960-х гг. на базе 101 колхоза в Иркутской области было создано 43 новых совхоза. В их составе находилось 84 полеводческих, 141 тракторная и 162 прочих бригад, 391 ферма крупного рогатого скота, 195 свиноводческих, 167 овцеводческих, 133 птицеводческих ферм [5, л. 76].

Политика укрупнения колхозов и их преобразования в совхозы имела целью увеличение эффективности работы и интенсификации труда сельских работников. На практике оказались не учтены проблема разбросанности населенных пунктов в пределах одного совхоза при отсутствии между ними обустроенных дорог и сложности эффективного управления сформированным огромным земельным фондом. Многие из крупных колхозов и совхозов имели на своей территории от 40 до 75 населенных пунктов, при этом расстояние до отдельных поселков от центральных усадеб в большинстве случаев превышало 20–30 км [6, с. 438]. Взаимодействие между частями огромного производства нарушало бездорожье, большие затраты времени снижали производительность труда.

В отличие от общей тенденции, подчеркнутой исследовательницей вопроса [7, с. 67–71], функционирование личных хозяйств в интеграции с колхозами и совхозами и

преимущественно за счет ресурсов последних в Среднем Приангарье респонденты отмечают только к середине 1960-х гг. До этого указывают на доминирование в ЛПХ ручного труда (а не техники общественных хозяйств). По воспоминаниям Петра Николаевича Рукосуева, председателя колхоза «Завет Ильича» в 1950-е гг., на глазах которого происходили изменения в трудовой деятельности сельских жителей: «Первое время в колхозе очень трудно было. До 55-го года люди получали по 200 грамм в трудоводень, а трудоводень – это работа, / значит, только механизаторы. И на трудоводень было копейка денег и 200 грамм хлеба. А с 55-го года колхозники стали получать по килограмму. Улучшение колхоза пошло / Иванский председателем колхоза работал / молодой. Потом стали МТС, / стали трактора отправлять. Это уже начало 60-х. А когда трактора пришли работать, уже легче стало. Физический труд на руках, лошадях – много тоже не наработаешь. Ну, люди почувствовали сильно хорошо это, 65-й год. 65-й год, когда переорганизовали управление, / свободу дали и сельским хозяйством занимались, / пахали, сеяли на технике и в промысел ушли, на техническое сырье собирали, / тут могли и дети собирать, / в общем, свободно, / и ягоду собирали, брусничный лист, толокнянку» [8]. «Ну, самое главное не то, что большой колхоз стал, / другую людям жизнь создали, / самое главное, объемы работы-то больше стали» [8].

До строительства ложа будущей ГЭС и переселения сельских жителей с обустроенных мест условия труда в колхозе оставались неизменными. Был востребован и мужской, и женский, и детский труд. Часты воспоминания респондентов о тяжелом труде женщин и детей на производстве, когда виды и объемы работ не соотносились с физиологическими возможностями. По воспоминаниям Анны Алексеевны Несвитаевой: «В 13 лет я такую-то тяжелую делала работу, чистила чертежа, чурбаны таскала, / поехала я пахать, / пахать на лошадях. Лошади худые были, никого не шли. Вот тащишь плуг, вытаскиваешь из земли, / падаешь. Сняли с пахоты меня и отправили на дорожное строительство. Больше месяца строила, а оттуда приезжала жать снопы, возить и на лесозаготовки. В 13 лет уже ездили, косили траву. Я ростиком была совсем маленькая, брала большую литовку. Шла два метра шириной. Утром встаешь, кричат: «Подъем!». Идешь, / спать охота, / а обрезались. Ну я нет, / падали. Ну, я знала, что мне надо, мне надо. Встаешь, косишь до двенадцати и во рту ни капельки, / в 12 старший пробивал по железке. И бросали все, / травы надо нарвать в котелок на себя, литра 2–3 воды, чтоб похлепать, / примерно

1 час. В час мы снова идем до 4 и как бы скорее, чтоб не отстать. Я косила всегда чисто, и следили друг за другом, / чтоб «петухи» не оставляли. В 17 лет меня отправили молотобойцем. 3 дня я простояла у ковалени, и меня отобрали в гараж трактора ремонтировать, / отправили прицепщиком / Я, между прочим, все клапана отрегулировала. Мощный был колхоз» [9].

В условиях модернизации у крестьян появляется возможность уходить в совхозы, леспромхозы, где, по меркам села, можно было «подзаработать»: «Люди пошли в леспромхозы, химлесхоз был. Потому что в леспромхозе мы отработали месяц, там 300–400 рублей ежемесячно получали, в колхозе я отработаю год, мне, может, за трудодень 40 копеек дадут, а то, может, вообще денег не дадут, а дадут по килограмму хлеба, вот и все. Авансом дают по 50 килограмм зерна на семью, а деньгами редко» [9].

В 1964 г. в целом по Иркутской области заработная плата в совхозах выросла на 8,2 % и составила на одного работающего 1 002 р. вместо 941 р. в 1963 г. Выплачивалась заработная плата и за вспомогательные работы [10, л. 96].

Важным событием для села стало введение в середине 1960-х гг. пенсионного обеспечения колхозников и назначение пособий женщинам-колхозницам по беременности и родам за счет централизованного фонда социального обеспечения. Минимальный размер пенсий в Иркутской области в этот период составлял 20 р. в сельской местности (в городе – 45 р.), впоследствии (в 1967 и 1971 гг.) размер пенсий для колхозников пересматривался в сторону увеличения.

Гарантированная денежная оплата труда колхозников, введенная в 1966 г., имела целью повышение уровня доходов населения. При этом было установлено, что при распределении доходов в колхозах в первую очередь выделяются средства на оплату труда колхозников. Принятые меры значительно повысили материальную обеспеченность колхозников. Негативной стороной, казалось бы, прогрессивного решения стало отсутствие зависимости размера оплаты труда от результатов труда колхоза. Если трудодень связывал личный интерес крестьянина с итогами коллективного хозяйствования, то оплата труда в деньгах обрывала эту зависимость, тем самым порождая иждивенческие настроения и пассивное экономическое поведение крестьян [11, с. 49]. Гарантированная денежная оплата приводила к снижению стимулов ведения личных хозяйств.

Применялись в колхозах и различные меры материального и нематериального стимулирования. Выплачивались премии, оформлялись надбавки к тарифным ставкам и окладам, производилась выдача бесплатного зерна рабочим

бригадам [12]. Работников премировали за долголетнюю и безупречную работу, за успешное выполнение мероприятий и партийных поручений. Сумма премий варьировалась от 20 до 70 р. [13].

Т.И. Рыбникова вспоминает о премиях как о несущественных: «Премии были – то копейки какие сунут, где тряпку какую сунут. Ну вот, мне, например, давали покрывало. Раньше же покрывал не было. Суконное покрывало было такое толстое» [14].

А.А. Несвитаева же с восторгом вспоминает о своей премии и процессе награждения: «Высший начальник на меня смотрит, все документы в порядке, и мне такую премию дали! Дали 64 трудодня» [9]. При этом обе женщины отмечают, что введенная заработная плата не способствовала повышению эффективности работ.

Домашний труд примерно до середины 1960-х гг. был едва ли не единственным средством удовлетворения материально-бытовых потребностей сельской семьи, являясь необходимым условием физического и эмоционального здоровья ее членов, воспитания детей, укрепления семейных связей. Специфической особенностью домашнего труда в сельской местности является, с одной стороны, его значительная тяжесть, с другой – недостаточная продолжительность для удовлетворения семейных потребностей. Обусловлено это несколькими причинами: низким уровнем благоустройства жилья; значительно меньшим, нежели в городе, оснащением оборудованием и средствами, облегчающими домашний труд; неразвитостью сферы общественного обслуживания. Ко всему прочему, домашний труд дополнял занятость в общественном и личном приусадебном хозяйстве, увеличивая трудовую нагрузку сельских жителей и особенно работающих женщин [15]. В силу ограничения для колхозников других каналов поступления продуктов и денежных средств их семейное благосостояние на долгие годы оказалось в зависимости от личного подворья. Оно не только обеспечивало их необходимыми продуктами питания, но и являлось основным источником поступления денежных средств через продажу излишков: «Вот че вырастишь в огороде. В карбазах плавил хлеб в Заярск. Сплавил морковь, свеклу, редьку. Такое че яйца, молоко, сметану. Кто трудолюбивый-то был, продаст / там, в Заярске, берут. Там-то хорошо у нас было, / магазины все» [14].

Рост общей трудовой нагрузки в колхозе (совхозе) в сочетании с тяжелым физическим трудом в личном хозяйстве приводил к повышению утомляемости сельских жителей, снижению работоспособности, а в итоге – к снижению производительности труда работников общественного производства, на долю которых

приходилось примерно половина совокупных затрат труда в личном подсобном хозяйстве. В личном хозяйстве часто работали поздним вечером и ночью, так как весь день проводили на общественном производстве. «А летом че. Пока до полночи лазишь, вот до 12, до полпервого, пока себя вижу, траву я тяпкой-то и шпарю» [14]. Женщина должна была вставать очень рано для ухода за скотом и приготовления еды: «Утром встанем, у мамы булки настряпаны» [14].

Такая дополнительная хозяйственная деятельность косвенно влияла на состояние рабочей силы и эффективность ее использования в общественном производстве. Ведение хозяйства максимально сокращало время для отдыха. Фактическое отсутствие свободного времени катастрофически снижало стремление сельского населения к личностному развитию, влияло на образ жизни сельского жителя. Владельцы ЛПХ реже выезжали в город, реже использовали отпуск.

Реализация прав на отдых для колхозников связана с принятием Примерного устава колхоза (1969), в котором впервые в советский период подтверждались их основные гражданские права — на труд и гарантированную оплату, на безопасные условия труда и отдыха.

Условиями, оказывавшими влияние на объем, интенсивность и результаты домашнего труда в Среднем Приангарье в 1950–60-е гг., выступали общий уровень развития экономики страны, региональные особенности жизни (изменение торгового и бытового обслуживания, уровень обеспеченности населения продуктами питания и их качество, доступность источников продуктов и услуг, расход электроэнергии на бытовые цели).

Масштабы личного подсобного хозяйства населения зависели от государственной политики, условий функционирования сельских поселений, которые определялись естественными природно-климатическими характеристиками, их удачным или неудачным географическим положением, близостью к крупным городам, наличием развитой инфраструктуры. Также от того есть ли возможность обрабатывать имеющиеся земли, потому что часто бывало, что работа в колхозе, совхозе отнимала очень много сил.

Личное приусадебное хозяйство требовало от крестьянина принятия взвешенных самостоятельных решений по поводу очередности, объема, времени производимых работ, от которых зависели порядок в хозяйстве и урожай. При этом должны были учитываться не только природные циклы, но и изменчивая погода. Сопряжение видов работ с погодными условиями еще более интенсифицировало крестьянский труд и вырабатывало у селян способность быстрой адаптации к изменяющимся внешним условиям.

Как вспоминает А.А. Несвитаева: «Только в 11 часов мы шли, дома варили. И тут нам давали отдыху до 6, кто ест, а кто и упал спать и часа 2 спали и опять до 2-х часов, а потом гребь, еще страшнее было. Ой, ой жара, гребли траву, скосишь, гребешь. Норма 60 соток, сгребешь, в копна сможешь палки повтыкать, а там в зарод. Зародья большие ставили. Копна стаскиваешь, пока зарод не доделаешь, лишь бы побыстрее. Подпорку надо сделать, чтобы не упала. И до 6 поспишь. Утром-то трава сырая» [9].

Оказывали влияние и индивидуальные особенности семьи: уровень дохода, благоустройства жилья, обеспеченность домашнего хозяйства предметами культурно-бытового назначения, продолжительность рабочего времени на производстве и времени работы в личном подсобном хозяйстве. «Щас нам че, щас водопровод. Водопровод присоединят, шланг. Дедушка все шлангом обмотается и буровит. Щас-то нам тут че не жить. А раньше таскали на себе ведрами, ведра и сгорбатили нас. Копали руками. Посодит мама, турнепс посодит, свеклу посодит, чеснок посодит, лук. Все насодит. И вот это все ведрами надо. Не то, что щас грядочки. И все, и летом дождя ждешь. Там на руках надо» [14].

В рассматриваемый период в Приангарье с переводом колхозов в совхозы, созданием в сельской местности межхозяйственных и агропромышленных предприятий, в связи со строительством ГЭС число колхозных семей сокращалось, а семей рабочих и служащих становилось больше. Изменялся и образ жизни, и ценностные ориентации. Многие бывшие колхозники, перейдя в другой социальный статус, либо вели хозяйства небольших размеров, либо сворачивали их совсем. Сокращению личных подсобных хозяйств способствовала и большая вовлеченность в общественное производство женщин. Именно женщины несли основную трудовую нагрузку в семейных хозяйствах: «В 4 часа мы вставали доить. Идти пешком, это километра 3–4. У нас девчонки все были там» [14]. Рабочий день и характер работы женщины приходилось постоянно варьировать. И никто ей этого не подсказывал, кроме ее собственной хозяйственной сметки, предусмотрительности и предшествующего опыта. Каждая женщина получала знания, умения, навыки в ведении хозяйства от своих родителей и соседей. По своему объему эти знания нередко не уступали знаниям, полученным в учебных заведениях. Знали почву, знали зерно, знали сроки работ и наиболее выгодные условия посевов, знали ремесла, которыми занимались в долгие зимние дни вынужденного отлучения от земли [17]. Домашнее хозяйство часто ложилось на плечи

старших детей: «Мне было 10. Хозяйство во время зимы все на мне, летом как все работали, так и я, хозяйство, коров, свиней держали, все держали, шибко угнетенные были, а все держали. У нас такая постройка была» [9]. В интервью старожилов часты фразы: «Вся жизнь моя прошла в работе», «работали день и ночь».

Необходимо отметить, что сами сельские женщины, привыкшие добросовестно относиться к труду, воспитанные в почитании старших, совестливые, считали такое положение дел обычным, традиционным, связанным с понятием трудолюбия: «Места-то полно было. Земли-то полно у нас было. Ее же не продавали. Кто где заработает. Кто не ленился. Оно и цас, дружочек, так же – кто не ленится все есть» [14].

Процесс индустриализации региона оказал существенное влияние не только на сибирские села, но и сопровождался появлением городских поселений на ранее малозаселенной территории. Для переезда в негостеприимные районы Сибири нужна была сильная мотивация при активной государственной поддержке.

Объявление строительства крупных промышленных объектов в регионе Всесоюзной ударной комсомольской стройкой позволяло решить проблему нехватки квалифицированных рабочих рук и привлечь массы активных молодых людей. Комсомольцы прибывали в рамках государственной системы оргнабора и по комсомольскому призыву (комсомольским путевкам). Молодые специалисты после окончания вузов приезжали, как правило, по распределению, но были и добровольцы. Идеологические стимулы тесно переплетались с романтикой и широкими перспективами профессионального и карьерного роста.

XIX съезд КПСС, состоявшийся в октябре 1952 г., определил начало работ по использованию энергетических ресурсов р. Ангары.

Значительную роль при формировании коллектива первостроителей сыграло постановление бюро Иркутского обкома КПСС о подборе и направлении коммунистов и комсомольцев на строительство Братской ГЭС от 15 июня 1955 г., где говорилось о направлении на стройку пятисот коммунистов («пятисотников») и тысячи комсомольцев. Практика отправления «золотого» десанта в места ударных строек на тот момент уже была с успехом апробирована в области – на строительстве Иркутской ГЭС и Ангарска.

Огромный приток добровольцев стройка получила после публикации в союзной прессе 19 мая 1956 г. обращения ЦК КПСС и СМ СССР ко всем комсомольским организациям, к комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодежи с призывом выделить из своей среды в 1956–1957 гг. 400–

500 тыс. юношей и девушек, которые взяли бы за сооружение в восточных районах новых заводов, гидроэлектростанций и других предприятий, а также железных дорог [18].

Строительство ГЭС в сложных географических и климатических условиях, возведение города на фактически необжитом месте придавали ударной стройке романтический ореол. «Мы строили новый город, новую жизнь, где все было прекрасно», – Г.Ф. Пакельчук, в те годы бригадир строительной бригады Падунского СМУ выразила общую установку первостроителей [19].

Были среди откликнувшихся те, кого интересовала работа в местах, к которым «приковано внимание всех людей». «Трудности нас не пугают: где трудней, там интереснее», – писали начальнику отдела кадров строительства Братской ГЭС студентки Днепрпетровского университета, получившие распределение в Днепрпетровскую область, но желавшие трудиться в Сибири «самостоятельно» [20].

В реальности Среднее Приангарье встречало людей, прибывших зачастую из отдаленных территорий с мягким климатом, полчищами мошки в летние дни и лютыми морозами до -50° зимой. Г.В. Брюханов (инженер «Гидропроекта») вспоминал, что работа и жизнь шли своим чередом, зимой холод, постоянная нужда в дровах, в воде. Летом мошки было столько, что хоть из дома не выходи. 15 июня был ее «национальный праздник». Мошка вылетала, как из рога изобилия, и соперничала по численности с атомами кислорода [19].

По воспоминаниям З.П. Земцовой: «Было плохо с питанием, транспортом. Когда мы с мужем приехали в старый Братск (еще до перевода рабочего поселка в город областного подчинения), нашли брошенный дом, подделали чуть-чуть, там жили, у нас уже была дочь. Наше управление было на Мостовой (управление механизированных и дорожных работ), до работы добираться далеко, перевозка рабочих еще плохо была налажена, так, что зачастую приходилось ходить пешком 5–6 км» [21].

Г.Ф. Пакельчук, прибывшая на строительство будучи замужем и имея двоих детей, отмечает: «Через несколько дней я уже вышла на работу. Выделили палатку на берегу Ангары, после чего можно было вызывать и мужа с детьми. Но до того холодно было в палатке, на другое жилье надежды слабые, поэтому на улице Нагорной соорудили мы себе «временку». Тоже не хоромы, но во временном жилье смогли мы продержаться вплоть до затопления Зеленого городка» [19].

Семейная жизнь имела свои особенности. Прежде всего ввиду большого количества молодежи, часто заключались браки, рождались

дети. Проблема возведения жилья была одной из первоочередных, наряду с ней стояли проблемы санитарно-медицинского и социально-культурного обеспечения. Семьи состояли из родителей и детей. Старшие родственники (дедушки и бабушки), обычно присматривавшие за детьми в сельской местности, на строительстве ГЭС и города, как правило отсутствовали, что порождало проблему присмотра, а затем воспитания и обучения детей. Работающая женщина, за недостаточностью яслей и детских садов, должна была выбирать между работой и уходом за ребенком, поскольку декретный отпуск был непродолжительным. Часто выходили из положения за счет соседской взаимовыручки. «Вот сейчас молодежь, трудно там ребенка вырастить. Да, трудно. Представь себе, а вот мы как. Месяц до родов, месяц после родов, и куда хочешь девай такое дите. Ни бабушек, никого. И все так подгадывали. Вот я решила занять ребенка, я три года не хожу в отпуск, то есть у меня копится отпуск, то есть я этот месяц израсходую да еще три месяца. Но я три года не была в отпуске. А выходной-то всего был воскресенье. А ведь с ребеночком-то надо и сходить, и все сделать...» [22]. Количество прибывших на строительство в 1956 г. увеличилось более чем в 3 раза по отношению к 1954 г., возросло и количество детей, детских учреждений катастрофически не хватало. Однако уже в 1956 г. были введены в эксплуатацию 8 новых детсадов. В том же году начал действовать первый пионерский лагерь («Ангара») [23].

До 1960 г. работы, связанные со строительством ГЭС, велись круглосуточно, зачастую без выходных дней, фактически в режиме трудовой мобилизации. «Муж на стройке, я целый день готовлю обед, стираю, потом вместе семьями строим дом, участки выделяют, материал выделяют, мужики строят, мы, женщины, шпаклюем, красим» [21].

Несмотря на напряженный и авральный характер труда и быта в начальный период строительства ГЭС, в воспоминаниях первостроителей обращает на себя внимание своеобразная «эйфория коллективизма» («работали с какой-то легкостью» [22]), отражающая солидарное взаимодействие людей в неповторимых условиях жизни и работы.

Черепанова Мария Семеновна подчеркивает: «Братск строила вся советская страна — мощная техника, дорожные и подъемные механизмы, гидротурбины, стройматериалы, спецодежда и инструмент, валенки и рукавицы приходили со всех городов. Лучшие артисты считали за честь выступать перед молодежью. Лучшие песни и стихи пелись о нас и посвящались нам. Когда мы

ездили в отпуск, то в кассах железнодорожных вокзалов и аэропортах очередь отодвигалась, уступая нам место. Высшие учебные заведения гордились, если к ним приезжали поступать абитуриенты из Братска. Нас любила вся страна. К нам приезжали и посланец Кубы Фидель Кастро, и американский миллиардер Гарриман, руководители государства и правительства» [24].

Таким образом, восприятие общественной и бытовой сфер в сельском и городском пространстве рассматриваемого периода существенно разнятся. В 1950–60-е гг. труд в ЛПХ и домашний труд оставались главной составляющей жизни в селе. В целом следует признать противоречивое восприятие труда в личном приусадебном хозяйстве самими селянами. С одной стороны, оно увеличивало доходы сельского населения, обеспечивало его свежими высококачественными продуктами питания, давало определенный выход деловой и хозяйственной энергии, являлось способом проведения досуга (в осенне-зимний период), важным средством трудового воспитания сельской молодежи. Кроме того, ведение личных хозяйств в известной мере противостояло распространению социальных пороков. С другой стороны, личное подсобное хозяйство требовало значительных затрат времени и сил, увеличивало общую трудовую нагрузку на сельских жителей, существенно сокращало их свободное время, препятствовало их личностному росту.

Для понимания восприятия общественной и бытовой сфер «горожанами» этой эпохи важно помнить о специфике становления пространства молодого индустриального города. Государственная значимость индустриализации, возведения промышленного гиганта, отдаленность от центра, дефицит трудовых ресурсов, массовые миграции населения, его разнородный состав (и в социальном, и в этническом отношении), отсутствие традиций городской культуры формировали особенности городской среды. Общественная и бытовая сферы в начальный период строительства фактически взаимопроникали друг в друга. Коллективизм, аскетизм и стоицизм являлись нормой для большинства прибывших, воспитанных на приоритете общественного над частным, в большинстве осознававших историческую значимость происходящего. Организация быта, со всеми недостатками и сложностями, с какими приходилось сталкиваться, воспринималась как временные трудности. Мотивация к труду поддерживалась и материальными выгодами (первоочередное жилье, оплата сверхурочных, премии), и нематериальными стимулами (общественное уважение, признание, творческая реализация). Не идеализируя первостроителей (существовали и

случаи нарушения трудовой дисциплины, и стремление к наживе, и проявления социальных

пороков), отмечается большая значимость для них саморазвития и общественного самоутверждения.

Литература

1. Ефимова А.А. Образ жизни сельского жителя // Молодой ученый. 2015. № 20 (100). С. 411-414. URL: [https:// moluch.ru/archive/100/22403/](https://moluch.ru/archive/100/22403/) (дата обращения: 27.02.2023).
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1997. С. 87.
3. Дубин Б.В. Быт, бытовщина, обыденность: идея и история повседневности в России [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.demoscope.ru](http://www.demoscope.ru) (дата обращения: 20.02.2023).
4. Текстовый отчет отдела о произведенной работе по подготовке ложа водохранилища Братской ГЭС // АОАГБ. Ф.Р-48. Оп. 1. Д. 117. Л. 3.
5. Постановления Иркутского областного Совета народных депутатов // ГАИО. Ф. 1933. Оп. 7. Д. 1937. Л. 76.
6. Никитаева Е.Б. Исчезающая деревня (1960 - середина 80-х годов). Судьбы российского крестьянства. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1995. С. 438.
7. Мелентьева А.П. Эволюция личных приусадебных хозяйств сельского населения Сибири. Середина 1960-х - 1990-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 67-71.
8. Личный архив К.Е. Ишумбаевой: интервью с П.Н. Рукосуевым 12.11.2009.
9. Личный архив К.Е. Ишумбаевой: интервью с А.А. Несвитаевой 15.11.2009.
10. Протоколы заседаний Иркутского областного комитета ВКП(б) 1950-1960 гг. Общий отдел // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 73. Д. 25. Л. 96.
11. Карпунина И.Б. Основные факторы социальных изменений в сельском населении Сибири в 1960-1980-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 49.
12. Статистический отчет Иркутского областного комитета ВКП(б) 1966 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 113. Д. 36. Л. 61.
13. Протоколы заседаний Иркутского областного комитета ВКП(б) 1960-1970 гг. Общий отдел // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 86. Д. 47. Л. 127, 139.
14. Личный архив К.Е. Ишумбаевой: интервью с Т.И. Рыбниковой 06.04.2009.
15. Балыкова Н.А. Материально-бытовая деятельность селян: тенденции и состояние. Условия и образ жизни сельского населения (тенденции и изменения). Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР, 1990. С. 49.
16. Личный архив К.Е. Ишумбаевой: интервью с А.С. Ждановым 07.04.2009.
17. Бондырева С.К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества. М.: Изд-во Московского психологического социального ин-та, 2004. С. 251-252.
18. Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров СССР (ко всем комсомольским организациям, к комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодежи) // Под знаменем Ленина. 1956. № 99 (19 мая). С. 1.
19. Тирских А. Братск, ты нашей стал судьбой! // Огни Ангары. 2022. № 49 (21 дек.). С. 6.
20. Братск в эпоху перемен: рекомендат. указ. лит. Братск: «Братск», 2001. Вып. 3. С. 148.
21. Личный архив К.Е. Ишумбаевой: интервью с З.П. Земцовой 18.04.2009.
22. Рожанский М. «Оттепель» на сибирском морозе // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). URL: <https://strana-oz.ru/2012/5/ottepel-na-sibirskom-moroze> (дата обращения: 20.03.2023).
23. Сводные и годовые стат. отчеты о количестве ДОУ, численности, распределения, возрастном составе, сведения о кадрах, детсадовских помещений. 1955-1956 гг. // Архивный отдел организационно-контрольного управления адм. г. Братска. Ф-81. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
24. Личный архив К.Е. Ишумбаевой: интервью с М.С. Черепановой 31.01.2011.

]